

В «Цзинмэй Таоюань» продолжались поминки по Чжу Цзяньшоу. Согласно обычаям Наньхэ, танцы и театральные представления заказывали лишь на вечер; днем же основными занятиями гостей оставались еда и бесконечные партии в маджонг.

Хотя ночной погром и попал в местные новости, сестры Чжу Мэйфэн и Чжу Мэйсинь твердо вознамерились проводить единственного брата в последний путь со всем почтением. Они доплатили управляющей компании за усиленную охрану: тех, кто пришел проститься, приветствовали радушно, независимо от степени родства, а вот скандалистов и стримеров велено было не подпускать к шатру и на пушечный выстрел.

Если вчера за столами сидела лишь одна горстка ветеранов судостроительного завода, то сегодня бывшие рабочие заняли уже добрую половину поминального шатра. Большинство из них составляли пожилые мужчины, но был и отдельный стол для женщин, а кое-где мелькали лица молодых людей лет двадцати-тридцати.

Юэ Цянь несколько раз прошел мимо рядов, прислушиваясь к разговорам. Как он и ожидал, молодежь притащили сюда родители, твердя, что в детстве те пользовались добротой Чжу Цзяньшоу и Мэй Лисянь, а потому нужно уметь быть благодарными и проводить дядюшку Чжу в последний путь.

— «Благодарность»... Скажут тоже. Обычное желание поесть на халяву, — раздался за спиной следователя резкий женский голос.

Офицер обернулся. Перед ним стояла девушка лет двадцати пяти: стрижка до плеч, ярко-зеленое платье и маленькая молочно-белая сумочка на плече. Рядом с ней сидела женщина постарше — судя по всему, мать. Услышав слова дочери, та больно ущипнула её за ногу и прошипела:

— Помолчи! Иди лучше сожги бумагу за дядюшку Чжу, попроси прощения за свой длинный язык!

Девушка закатила глаза, но встала и направилась к железному чану перед портретом покойного. Вместо того чтобы аккуратно класть ритуальные деньги, она небрежно швырнула целую охапку в огонь. Мазнув холодным взглядом по лицу Чжу Цзяньшоу, она лишь пренебрежительно хмыкнула — в её движениях не было ни капли страха перед смертью, ни грамма почтения к самому покойному.

Заметив Юэ Цяня, она нахмурилась:

— Ты тот самый полицейский... который подрался с блогерами?

Видимо, ролик в сети посмотрели все.

— Я не дрался, — спокойно пояснил Юэ Цянь. — Всего лишь поддерживал порядок.

— Как скажешь, — без особого интереса бросила она и вышла из шатра, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Следователь последовал за ней.

— Пришли с матерью? Чжу Цзяньшоу и правда помогал вашей семье?

— Ты же сам всё слышал, — она усмехнулась, кивнув в сторону шатра. — Столько народу... Неужели ты думаешь, что он был в состоянии помочь каждому? Или теперь «помощью» называют тарелку еды и пачку хороших сигарет?

— Значит, все просто пришли пообедать за чужой счет?

— Если досидеть до вечера, можно и спектакль посмотреть. А потом — карты, маджонг... У этих людей нет денег, а времени — хоть отбавляй. Знакомый помер — вот и повод собраться, убить часок-другой.

— А ты? — спросил Юэ Цянь. — Тебе сегодня тоже нечем заняться?

Похоже, он задел собеседницу за живое — она сердито сверкнула глазами. Следователь лишь усмехнулся:

— Всё равно обоим делать нечего, так что поворчи мне немного.

Девушка протянула руку, прося сигарету. У офицера при себе не было, поэтому он сходил в ближайший магазин за пачкой. Закурив, девушка, которую звали А Юй, немного расслабилась и разоткровенничалась. Её мать, Гу Дацзе, сидела за тем же столом, что и бывшие коллеги Мэй Лисянь по цеху.

По словам А Юй, в её детстве, когда завод еще процветал, жизнь казалась им вполне достойной. Но потом всё рухнуло. Кто-то попал под сокращение, кто-то пытался торговать на рынках, впервые осознав, как далеко ушел мир за забором предприятия. Когда Чжу Цзяньшоу разбогател, все, кто его знал, потянулись за крохами с его стола. Мужчины лебезили и заискивали, женщины наперебой величали его «братцем Чжу».

Гу Дацзе всегда мастерски умела подлизываться к начальству, и богач не стал исключением. Сама А Юй в детстве тоже немало получила от его «щедрот», но с малых лет терпеть его не могла. Тогда она не понимала причин этой неприязни к вроде бы доброму человеку, но позже

осознала: тот не был по-настоящему щедрым. Он просто упивался лестью. Собеседницу тошнило от того, с каким бесстыдством родители и их друзья липли к нему только потому, что у того водились деньги.

К Мэй Лисянь девушка относилась лучше — та всегда вела себя с детьми ровно, без высокомерия. Однако Гу Дацзе и другие работницы постоянно перемывали подружке кости: завидовали, что той «повезло удачно выйти замуж» и больше не нужно вкалывать. В этих разговорах было столько желчи, что А Юй, по её словам, в будущем и уксус к пельменям не понадобится.

— Они подлизывались к нему годами, а в итоге жизнь прожили в такой же нищете. Что им дал этот благодетель, кроме объедков? — она выпустила облако дыма. — Ха, даже после смерти он всех кормит. Похвально.

Семья Чжу уехала с завода задолго до его окончательного краха. Вспоминая те времена, А Юй помрачнела. Она была хорошей ученицей, мечтавшей об университете, но из-за долгих задержек зарплат родителям стало не до её образования. Ей пришлось помогать им торговать в палатке, оценки покатались вниз, и в итоге она закончила заштатный техникум. С тех пор она сменила десяток мест, нигде не задерживаясь надолго, и до сих пор жила с родителями на гроши.

Единственным утешением было то, что они не были изгоями. Весь их квартал для рабочих, ожидающий сноса, жил точно так же — выброшенные на обочину истории люди, чья единственная надежда заключалась в компенсации за снос жилья.

— У них уйма времени, им нечем заняться, вот их и пригнали сюда. Экономия на еде за целый день — разве плохо? — А Юй указала на стол со своими ровесниками. — Видишь? Все такие же, как я. Никто из них не пришел сюда по доброй воле. Моя мать перед уходом вообще выдала: «Чжу такие богатые, наверняка будут крабы и креветки».

— Что-то я их не вижу, — заметил Юэ Цянь.

— Видимо, даже для них это слишком дорого, — рассмеялась девушка. — Зато мяса — завались.

В этот момент одна из групп закончила трапезу и направилась сжигать бумагу. Офицер и его собеседница невольно проследили за ними взглядом. Это были бывшие коллеги Мэй Лисянь — сплошь пенсионерки. Тётушка Гун, кажется, даже пробормотала, обращаясь к портрету: «Ты там пока столы накрывай, мы скоро придем — ты нас снова покормишь».

А Юй, услышав это, рассмеялась:

— Ладно, забудь. Никто не пришел сюда с чистым сердцем, у всех в голове только одно — еда, еда и еще раз еда. Впрочем, кажется, я погорячилась. Есть здесь одна, кто пришла искренне.

Следователь оживился:

— Кто именно?

Девушка указала на женщину в строгом серо-черном пальто:

— Тётушка Гун. Посмотри на её одежду, а потом на мою или моей матери. Чувствуешь разницу?

Юэ Цянь и сам заметил: остальные женщины нарядились так, словно собрались на пикник — пестро, ярко, наперекор траурному событию. Гун Сяююнь была одной из немногих, кто оделась подобающе случаю.

Она была значительно моложе Мэй Лисянь. А Юй помнила, что в старые времена, когда завод еще крепко стоял на ногах, женщины из цеха часто устраивали совместные поездки: летом — на отдых, зимой — на горячие источники. Гун Сяююнь и её подруга всегда были неразлучны.

Поскольку та родила рано, Чжу Таотао был гораздо старше остальных детей и в этих поездках не участвовал. Мэй Лисянь часто присматривала за чужими ребятами. А Юй вспомнила, как однажды супруги Чжу вывезли целую группу детей на отдых в Цанлун на полмесяца, взяв с родителей деньги только за билеты на поезд. Собеседница тогда до смерти завидовала — её мать, Гу Дацзе, не была вхожа в круг избранных подруг хозяйки, и её не пригласили.

— Понимаешь, — рассуждала А Юй, — моя мать раньше презирала Мэй Лисянь за её честность и простоту, а когда та разбогатела — подлизаться уже не вышло. А тётушка Гун и остальные были ей подругами с самого начала.

«Подругами?» — Юэ Цянь вспомнил, что, по его данным, Мэй Лисянь в последние годы почти ни с кем не общалась, включая ту самую Гун Сяююнь.

— А что за история с деньгами на квартиру? — спросил он.

Девушка пояснила: большинство рабочих завода жили в своем маленьком мирке и считали, что крыша над головой у них будет всегда. Мало кто задумывался о покупке жилья в городе. Гун Сяююнь была из первых, кто решился купить квартиру в «Цзиньсю Чжуюань».

Гу Дацзе, узнав об этом, еще дома высмеивала соседку: «На заводе жилья полно, живи не хочу, а она всё за другими повторяет, какие-то квартиры покупает. Неужели думает, что пару раз пообедав у Мэй Лисянь, тоже богачкой стала? И что в том доме хорошего? Ладно бы в центр переехала или в Западный район, я бы еще поняла. А тут — всего-то на одну остановку дальше, какой в этом смысл?»

Тогда над всеми «первопроходцами» смеялись в спину. Муж Гун Сяююнь был простым

техником, и когда завод начал разваливаться, его специальность стала никому не нужна. Но женщина проявила небывалое упорство. Ходили слухи, что именно старая подруга дала ей деньги на покупку.

Спустя годы те, кто уехал с завода, оказались в выигрыше — цены на недвижимость взлетели до небес, и те, кто остался в общежитиях, теперь никогда не смогут позволить себе собственное жильё.

Когда обед закончился, столы быстро расчистили и заставили костями для маджонга. Появилась Гу Дацзе и велела дочери возвращаться домой, а к шести вечера снова быть здесь — обещали, что ужин будет еще шикарнее.

А Юй ушла со своими знакомыми, а Юэ Цянь вернулся в шатер. Гун Сяююнь уже сидела за игровым столом вместе с Гу Дацзе. Последняя, как обычно, громогласно язвила:

— Ой, Сяююнь, сто лет не виделись! Почем играем?

— По три юаня, — кротко ответила та. — Не стоит зарываться.

— По три? — картинно удивилась собеседница. — Я думала, вы, богачи, меньше чем по десять не ставите!

— С чего бы нам быть богатыми?

— Как же! У мужа пенсия — шесть тысяч, говорят, еще и подрабатывает на стороне. Да и дочка, небось, деньгами заваливает?

Гун Сяююнь лишь вежливо улыбнулась, не вступая в спор. Следователь наблюдал со стороны. Гу Дацзе была полна энергии, её рот не закрывался ни на минуту — язвительная и резкая, она, казалось, имела на тётушку Гун особый зуб.

— И что, не пойдешь навестить Мэй Лисянь? — продолжала она. — Вы же раньше были не разлей вода. Она даже не позвала тебя ухаживать за ней в больнице? Я-то думала, ты давно в курсе, что Чжу Цзяньшоу преставился. Что же ты пришла вместе с нами?

Вскоре появился Чжу Таотао. Он выглядел изможденным и больным. Заметив Гун Сяююнь, он подошел поздороваться.

— Тётушка Гун, спасибо, что пришли.

Глаза женщины мгновенно покраснели.

— Таотао, прими мои соболезнования. Почему же ты не сообщил мне о состоянии сестры Мэй?

Тот лишь печально покачал головой:

— Ей сейчас очень тяжело. Вы видели её в прошлый раз — пусть это и останется последней встречей. Она всегда была гордой и любила красоту, вы же знаете.

Гун Сяююнь тяжело вздохнула:

— И всё же, я бы хотела её навестить.

— Не стоит. Правда, не стоит.

Поняв, что спорить бесполезно, она лишь добавила:

— Теперь, когда брата Чжу нет, не оставляй мать одну. Ей сейчас очень одиноко.

Когда Чжу Таотао отошел к другим гостям, Юэ Цянь подошел к женщине. Узнав, что перед ней полицейский, она заметно напряглась.

— Не волнуйтесь, — мягко начал следователь. — Мы просто опрашиваем всех знакомых Чжу Цзяньшоу. Вы были близки с их семьей?

Голос собеседницы слегка дрожал:

— Да... мы раньше были коллегами. Но когда завод закрыли, стали видеться реже.

— Вы упомянули, что видели Мэй Лисянь. Когда это было?

— На прошлый Китайский Новый год. Мы заходили поздравить её.

— Мы? Это кто?

Гун Сяююнь пояснила, что их было пятеро — старые подруги по цеху. После краха предприятия все разбрелись кто куда. Те, кто жил рядом, еще поддерживали связь, но семья Чжу жила далеко, и их социальный статус стал слишком разным. Поводом для той встречи послужила смерть одной из их общих знакомых. Почувствовав вкус скоротечности жизни, они решили собраться, но узнали, что подруга серьезно больна и перенесла операцию. Тогда они навестили её с цветами и подарками.

Гун Сяюнь призналась, что раньше часто бывала у них дома, даже помогала нянчить внуков-близнецов, но в последние годы их общение сошло на нет. Она корила себя за то, что не знала о болезни.

— Сестра Мэй — удивительно мягкий и щедрый человек, — со слезами на глазах говорила женщина. — Она никогда никому не отказывала. Если бы не эта проклятая болезнь, она бы никогда не стала затворяться от старых друзей. Она просто не хочет, чтобы мы видели её такой слабой.

Юэ Цянь зацепился за её слова о внуках:

— Вы помогли ей с детьми? Значит, и историю Чжу Таотао с Линь Цзяхань знаете?

Собеседница на мгновение замолчала, вспоминая те бурные времена, когда Линь Цзяхань только вошла в семью. Подруга тогда часто изливала ей душу. Ей очень нравилась невестка, но она чувствовала перед ней вину, понимая, что не может защитить молодых от нападков зовок. Тетки Чжу были властными, и невестке стало чуть легче только после рождения близнецов.

Следователь спросил, почему же их пути разошлись, если они были так близки. Гун Сяюнь лишь опустила голову, не давая ответа. Тогда Юэ Цянь спросил в лоб:

— А правда ли, что Мэй Лисянь дала вам денег на покупку квартиры в «Цзиньсю Чжуюань»?

Женщина вскинулась, её лицо выразило крайнюю степень изумления:

— Кто вам такое сказал? Я давно всё вернула! До последнего юаня!

— Значит, она всё-таки одолжила вам эту сумму?

— Конечно, одолжила! — голос собеседницы задрожал от волнения. — Мы же не родственники, с чего бы ей просто так покупать мне жилье?

Она долго сомневалась, прежде чем решиться на покупку. Именно Чжу Цзяньшоу тогда часто повторял, что у рабочих нет будущего и нужно искать другие способы вложения денег. Когда женщина увидела просторную квартиру одного из коллег, она загорелась мечтой о собственном угле для подрастающей дочери — в заводском общежитии было слишком тесно. Но цена кусалась. Мэй Лисянь, которая всегда была против расточительства мужа, в этот раз неожиданно поддержала подругу, сказав, что недвижимость — это единственное верное решение.

Супруги Чжу одолжили ей сто тысяч юаней без процентов. На эти деньги она и купила квартиру. Гун Сяюнь была безгранично благодарна: она старалась окружить подругу заботой, сэкономила на всём, чтобы поскорее вернуть долг, и постоянно приносила в её дом дорогие

фрукты. После рождения близнецов она дневала и ночевала у них, стараясь отработать доброту, ведь даже её собственные родственники отказались помочь с деньгами.

— Когда четыре года назад я отдала последние деньги, я словно заново родилась, — вздохнула женщина, и в её голосе слышалось облегчение.

— И после этого вы перестали общаться? — прищурился Юэ Цянь.

Она неловко поправила волосы:

— Наверное, такова человеческая природа. Сестра Мэй была ко мне добра, поддержала в трудную минуту... Но долг — это тяжкое бремя. Все те годы я чувствовала себя перед ней никчемной, маленькой. И когда я наконец расплатилась, мне вдруг стало... невыносимо её видеть. Вы молоды, офицер, вам не понять этого чувства.

Юэ Цянь хотел было сказать, что понимает. Хотя он и не принадлежал к поколению Гун Сяюнь, по долгу службы он часто сталкивался с такими людьми. Казалось, они связаны теснейшими узами, готовы делить одни штаны на двоих, но за глаза способны на самые гнусные слова. Это было клеймо эпохи — в годы скудной информации любая мелочь требовала помощи ближнего. Люди зависели друг от друга и в то же время тяготились этой связью, годами поддерживая хрупкую, словно из дешевого пластика, но вечно живую дружбу.

— Я просто хотела снова почувствовать себя равной, — тихо произнесла женщина, глядя в небо. — Но когда я узнала, как она больна... мне стало горько, что я бросила её в такой момент. Человек — существо противоречивое.

Следователь выяснил, что Чжу Цзяньшоу и Мэй Лисянь больше никому не давали таких крупных сумм — сто тысяч даже для них были серьезными деньгами. Офицер поговорил с Чжу Таотао, и тот подтвердил: отец не горел желанием давать в долг, и они с матерью даже поссорились из-за этого.

— Разве Чжу Цзяньшоу не был самым щедрым человеком на свете? — уточнил Юэ Цянь.

— Он умел пускать пыль в глаза, — ответил сын. Мать действительно дорожила этой дружбой и хотела помочь бескорыстно. Отец считал её дурой, но сто тысяч не были для него критичной суммой, так что он нехотя согласился. Он дорожил своей репутацией и никогда бы не признался Гун Сяюнь, что был против.

Юэ Цянь вернулся в отдел с ворохом запутанных ниточек. Пока он анализировал линию завода, Е Бо разговаривал с коллегами из Цанлуна. Из порта пришла весть: покойная вторая сестра, Чжу Мэйцзюань, в молодости была связана с криминальными структурами и даже отбывала срок. А её единственная дочь исчезла в прошлом году — заявление в полицию поступило совсем недавно.

<http://bllate.org/book/15837/1441053>